

МЫСЛИ ВСЛУХ

— НЕДАВНО на церемонии вручения профессиональных призов Союза кинематографистов СССР вы исполнили песню, посвященную памяти Андрея Дмитриевича Сахарова. Как она родилась?

— Мне не повезло встретиться с людьми, которых я очень люблю и уважаю «за глаза». С Андреем Дмитриевичем Сахаровым я должен был лететь в Западный Берлин на 2 дня, поскольку там были чествования Вилли Брандта (несколько странное шоу), были не только музыканты, певцы, но и актеры, писатели, политические деятели. И рядом со мной кресло... осталось пустым. О том, что Андрей Дмитриевич не полетит, стало известно чуть ранее, затем случилось то, что случилось. Меня это повергло в какое-то тяжелое состояние, что-то между шоком и полным безразличием ко всему. Тем более что и на панихиде я не смог быть. В общем настроение... Однако сочинение песни позволило хоть на некоторое время выйти из этой ситуации.

— 23 декабря вы выступили без гитары...
— Эта песня исполняется без гитары.
— Ваше сегодняшнее отношение к рок-н-роллу?

— Ведь для меня и Бетховен — рок-н-ролльщик, Высоцкий — рок-н-ролльщик. А вот Мендельсон — нет, Чайковский — нет, во всех своих произведениях — нет, за исключением, пожалуй, 6-й симфонии и «Пиковой дамы». Ведь рок-н-ролл — это дух! Понимаете, я, может быть, сейчас говорю вещи совершенно дикие для большинства советских музыковедов, которые сделают оловянные глаза, но я так чувствую. А что при этом чувствуют другие, не должно меня волновать. Я могу попытаться доказать это тем людям, которые захотят меня выслушать. Если же человек заранее настроен на то, что я сказал какую-то глупость, то я ему уже ничего не смогу доказать. Ведь те же сегодняшние рокеры — Гребенщиков, Цой и даже столь любимый мною Кинчев — это не совсем рок-н-ролл. Я не считаю это рок-н-роллом в чисто музыкальном отношении. (Ведь, если говорить кратко, наша аудитория мало что понимает в музыке как таковой. Причины искать не будем, причины ясны. Долгое время людей отучали слушать хорошую музыку, причем разными способами: и запретами, и постоянной пропагандой по радио примитивных образцов, да и хорошей музыки тоже, но однообразной! А это может отбить охоту слушать классику у кого угодно. Ведь если Глинка — это «Руслан и Людмила» и только, Чайковский — «Танец маленьких лебедей», если Огинский — это «Полонез» и т. д., то действительно всякое желание слушать классику пропадает. Но зато наша аудитория совершенна для восприятия поэзии. Это уже чисто генетическое свойство наших людей, причем самых разных уровней развития. Почти любой воспринимает поэзию. Вот с музыкой — беда. То, что делает наш сегодняшний «рок-н-ролл», — это все похоже на обычную нашу песню, только сделанную с барабанами, басом, клавишными и с большой экспрессией спетую. Я всегда говорю так: давайте весь наш хэви-метал споем под семиструнную гитару в подъезде, в компании из 3—4 человек — это будет совершенно органично. И так же спеть какую-нибудь песню так называемого поп-жанра, типа «Яблока на снегу», что-нибудь из Леонтьева, Толкуновой, Льва Лещенко и... какую-нибудь песню Виктора Цоя. Под бутылку портвейна, в подъезде московского дома — все одно и то же. Разница только в поэзии. У Гребенщикова и Цоя она более проблемная.

— Вы упомянули Гребенщикова. Ваше отношение к «Радио Сайленс»?
— Да никакое. Я давно перестал говорить о других конкретно. Во-первых, мое мнение может показаться для нашей аудитории слишком резким. Во-вторых, тобой потом начинают прикрываться. А это неправильно. Человек должен иметь собственное мнение. Но мнение, высказанное в прессе, — это уже давление. Особенно если тебя кто-то любит и уважает. Един-

ственное, что могу сказать, — у меня восторга и потрясения от этой работы нет.

— Кратко и дипломатично?
— Да. Я никого не хочу обижать. Люди ведь работали. Правда, в таких условиях, в каких работал Борис, можно было быть оригинальнее. Но, видимо, что-то повредило. Может, не было обаяния «подполья», в котором привыкли работать русские группы? Наверное, условия были слишком хороши. И в результате получилась не свойственная Борису пластинка. И несмотря на то, что его работы «советского периода» имеют мало отношения к музыке как к таковой, все-таки я в них ощущаю духовность, ощущаю «голодного человека», в хорошем отношении голодного. Тут этого не получилось. Мне кажется, это очень «сытая» пластинка.

— Вы сказали, что наш народ лучше воспринимает поэзию, чем музыку. Многие считают, что в вашем творчестве важнее поэзия...

— Вы не представляете, какой вы мне сейчас отвесили комплимент. Я не считаю себя поэтом и отдельно от музыки свои стихи воспринимаю с трудом. А до 1978 года практически не писал стихов для своих песен вообще. Так, иногда. Но здесь мы опять затрагиваем тему современного рок-н-ролла, без этого нельзя. Напрашиваются такие сравнения: они (я говорю о Шевчуке, «Облачном крае», «Наутилусе Помпилиусе»), то есть о тех, кто мне в принципе очень нравится) существуют официально с 1984—1985 года, мы (я буду говорить о себе) — давно. И если их дорога была в общем-то простой — от подполья на сцену, безо всякой трансформации, и единственное, что они испытали, — это преграды на пути на сцену. Им мешали, но люди захотели их слышать. И они в том виде, как они и есть, сразу вышли в средства массовой информации. И мне, честно говоря, очень приятно, что я к этому немного руку приложил. И на радио у меня были возможности, и на фирме «Мелодия» ко мне прислушиваются иногда. Получилось, простите за хвастовство, что я кому-то помог. С одной стороны, это хорошо, что они так быстро пришли из подполья непосредственно на профессиональную сцену. С другой стороны, они оказались, по-моему, не готовы к этому. Потому что профессиональный музыкант по-другому оценивает сцену, когда он до этого очень долго работал над собой в музыкальной школе, в музыкальном училище, а то и в консерватории. Это совершенно не значит, что каждый рокер должен обязательно иметь музыкальное образование. Нет! Но главное, в этих ребятах иногда отсутствует чувство ответственности перед сценой как таковой и перед самими собой. Ребята, играющие давно, выработали в себе это чувство в независимости от того, окончили они что-то или нет. На Западе так же слушают 50-летнего рокера, как и 20-летнего, если это интересно. У опытных есть мастерство, но нет свежести. У молодых наоборот. В концертах это видится особенно сильно. Конечно, проблема молодых и ветеранов надуманна, ее не должно быть. А бывает так, что молодые за счет неприятия чего-либо пытаются привлечь внимание. И люди думают: «Вот он авторитет не признает, наверное, он интересен сам по себе».

— Вы упомянули про «Мелодию». Там могут прислушаться к чьему-либо мнению?
— Конечно. Там такие же люди. Ну чем объяснить, что я свою пластинку «Русские песни» выпустил в 1981 году, в разгар брежневских времен? В пластинке этой и тексты, и расстрел демонстрации, и на-

ется применительно к сегодняшнему дню, то есть иносказательно. Иносказания есть у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина. Скромно говоря, есть они и у меня... В этом огромном ряду из тысячи наших художников я оказался, скажем, 1125-м. Я взял стихи Бернса, Саши Черного, Шекспира и стал на них петь свою музыку применительно к тому, что я думаю о сегодняшнем дне. Но с какого-то мо-

Александр ГРАДСКИЙ:
«Рок-н-ролл — это дух»

меки, и так далее. Пластинка проходила с трудом, но прошла. Кто-то же помог! Не бывает такого, чтобы взяла пластинка и сама вышла. Были и остаются люди, которые всегда и во все времена остаются порядочными.

Я пел и при Хрущеве, и при Брежневце, Андропове, Черненко. А ведь «каждая метла по-новому метет», и это очень сильно отражалось на рок-н-ролле, что накладывало отпечаток на многих. К примеру, у меня была мысль придерживаться исконно русской художественной традиции. Скажем, беретса давно апробированный текст, на котором стоит государственная печать, и по-

и придумали псевдоним Саша Черный». Тут я сломался полностью! Тут я и решил, что буду писать свои стихи. И еще меня «перестроила» смерть Высоцкого, у меня «высочили» стихи, которые при всей своей корявости оказывают сильное воздействие на аудиторию.

— Я не раз слышал, что ваши кумиры — «Битлз». Кого из них вы предпочитаете и почему?

— Джона. Это вечный вопрос — Джон или Пол. Почему? Леннон — нравственный лакмус определяет содержание всей музыки. И даже такой супергениальный человек, как Маккартни, после распада группы не имеет такого нравственного стержня. Хотя, наверное, и Джон что-то потерял бы без поддержки группы. Группа «Битлз» без Джона существовать не могла. Без Пола могла! Хотя, в общем-то, это тоже ахинея, то, что я сейчас говорю. «Битлз» существуют только в том составе, вчетвером.

— О «Радио Сайленс» вы сказали примерно то же, что и Давид Гилмор, на вопрос: «Что вы думаете о хэви-метал?», ответивший: «А я о нем и не думаю». Ваше отношение к «Пинк Флойд», с одной стороны, а с другой стороны, к «металлу»?

— «Пинк Флойд» — одна из моих любимых групп в ряду с «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Дорз», «Джетро Талл» и «Поллис». Я признаю высочайший профессионализм таких групп, как «Куин», и считаю, что это замечательно. Но не все. Ведь гениальная группа — это там, где все очень разное. Это же беда «Роллинг Стоунз»: у них сегодняшний альбом напоминает альбом 65-го года. Это и прекрасно, но и скучновато. Хотя профессиональный уровень записи практически всех групп на Западе потрясающе высокий. Уровень работы в концерте у 95 проц. западных групп чрезвычайно низкий. Я могу сказать совершенно определенно, что практически с любой из групп могу стоять на сцене рядом. Очарование того, что мы называем западной музыкой, — это во многом очарование технологией.

И, наконец, что касается «металла». Это, в общем, поделка. То, что сейчас есть «металл», — это узкий поджанр в хард-роке. Тем более что сегодняшний «металл» наш — это совсем не то, что современный западный «металл». Наш «металл» — это больше к «трэшу», а западный все равно несет на себе отпечаток поп-коммерции. Это классно сделано! Ну, «Аэросмит» — это фантастически заводная музыка, но назвать это таким уж «металлом» нельзя.

— Говоря о хард-роке, нельзя уйти еще от одного «вечного» вопроса: «Дип Пёрпл или «Лед Зеппелин»?

— «Лед Зеппелин», конечно. Нет сомнения. Тут даже никаких вариантов нет. «Дип Пёрпл» — хорошая группа, прекрасная группа, но вот сейчас их слушать нельзя, это все очень старомодно. «Лед Зеппелин» же любую запись могут постлавить, и она абсолютно современна. Та же первая пластинка — она вся великолепна. Мы можем даже взять 2 или 3 вещи «Юрая Хип», скажем, «Джулай морнинг», и кайфовать. Они угадали эту вещь, она и сегодня слушается великолепно. Тут слышны и английская баллада и чуть ли не советский романс.

— «Юрая Хип» вообще довольно слававы.

— Да. Но в то время мы так не думали! Казалось, «Вот, рок-н-ролл!».

— По-моему, некоторым славадость рок-н-роллу не претит. Тот же Маккартни..

— А почему нет? Ведь можно называть славадостью, а можно сказать душевностью, назвать сентиментальностью, а можно — лирикой. Я не люблю навешивать ярлыки. Ты любишь музыку, воспринимаешь ее, но как только ты начинаешь объяснять, почему, — тайна уходит.

— У ВАС СЕМЬЯ, дети, а это нарушает расхожий стереотип о рок-музыкантах.

— Да, некоторым кажется, что рокер — это что-то очень свободное, не обремененное семейными узами. Но практически

у всех известных музыкантов есть и жена и дети.

— Семья вам не мешает в творчестве? А как ваши дети относятся к тому, чем вы занимаетесь?

— Нет, семья мне не мешает. Наоборот, она даже очень помогает, стимулирует. А дети... Мальчику у меня будет 9 лет, а девочке — 4. Моему сыну нравится, чем я занимаюсь. Но он уже сам музыкант. Он довольно-таки давно занимается музыкой. Он скрипач, учится в музыкальной школе и делает, как мне кажется, успехи. По крайней мере, не ленится и не самый последний ученик в своем классе.

— Быть поклонником Градского в лет?

— Но он же мой сын!

— Политический вопрос. Чем вы питаетесь?

— В этот момент тыквенными семечками.

— ...?!

— Вообще питаюсь сейчас гораздо меньше, я похудел на 17 кг. Продукты же я приобретаю в основном на рынке. В магазинах что-то найти трудно, хотя, естественно, и туда захожу. Стараюсь работать интенсивнее, чтобы иметь возможность ходить на рынок.

— Испытываете ли вы какие-либо неудобства нашего быта?

— Конечно, хотя разница между мной и, скажем, человеком, не имеющим моей известности, — огромная. Хотя у рабочих или служащих есть свои преимущества над творческими людьми. Они (рабочие) могут у себя на работе встать в очередь на машину, записаться на заказы. У меня всего этого нет. Отдел заказов для меня не существует. В Союзе композиторов, где я состою, как-то стесняюсь этим заниматься. Я считаю, что это творческая организация, в первую очередь, и как творческая единица я стараюсь работать. А Союзом я пользуюсь... ну, раз в год, с женой и детьми мы уезжаем на так называемую творческую дачу, платим деньги, и нам разрешают пожить на природе и чего-нибудь там написать.

— На афише вашего творческого вечера в списке приглашенных есть «...советские писатели, писатели и т. д.». Вы так любите советских писателей?

— Нет, когда я писал эту афишу, это была просто шутка. Это же не значит, что советский писатель — это уже как бы и не писатель.

— Кстати, о писателях. Вы можете как-то понять славянофилов?

— Конечно. Хотя ведь славянофилы и западники прошлого были как-то ближе друг к другу по нравственным категориям. Сегодняшние же ведут полемику, скажем так, методами, мне не близкими.

— Это конфронтация.

— Да, и причем жлобоватая какая-то.

— Впервые вы поехали за границу в начале 88-го года. 7 месяцев были в США. Почему вы тогда, ни в каком интервью не рассказываете об этом?

— Сейчас так все много рассказывают о своих успехах в Америке, что мне представляется более выгодным помалкивать до поры до времени о том, чем я там занимаюсь. Могу лишь только сказать, что я работаю, у меня есть предложения о совместных концертах, и некоторые из них я выполнял. Я записывался, как вы знаете, вместе с Джоном Денвером, а теперь я делал песню вместе с Шарлем Азнавуром, Лайзой Минелли и Дайной Уорвик, выступал в концерте с «Трэйфул Дэд», виделся с очень известными музыкантами, но я далек от того, чтобы думать, что мой путь к известности в Америке будет безоблачным. Нужно, чтобы к тебе привыкли, как к равноправному участнику состязания, а не просто проявили интерес на манер зоологического.

— Есть у вас песни, написав которые, вы могли бы воскликнуть: «Ай да Градский, ай да сукин сын»?

— Конечно, и последняя моя песня в том числе, хотя я обычно выражаюсь крепче.